

УДК 81'246.2
ББК Ш102.2

ГСНТИ 16.21.29; 14.07.03

Код ВАК 10.02.19

Коновалова Надежда Ильинична,

доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации; Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, оф. 282; e-mail: sakralist@mail.ru.

Мурадян Диана Гагиковна,

студентка 5 курса, Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург); 620017, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 282; e-mail: diana_muradyan223@mail.ru.

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ БИЛИНГВА И ЕЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: билингвизм; языковая (речевая) компетенция; межъязыковая интерференция; стратегии освоения неродного языка; экспериментальное исследование языкового сознания.

АННОТАЦИЯ. Исследуется проблема межъязыковой интерференции, характерной для спонтанной речевой деятельности носителей двуязычного сознания. Демонстрируются возможности экспериментальных процедур в выявлении стратегий освоения неродного языка.

Konovалova Nadezda Ilinichna,

Doctor of Philology, Director of the Institute of Philology, Cultural Studies and Intercultural Communication; Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Muradian Diana Gagikovna,

5th Year Student, Institute of Philology, Culture Study and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

INTERLANGUAGE INTERFERENCE IN THE SPEECH OF A BILINGUAL PERSON AND ITS EXPERIMENTAL RESEARCH

KEY WORDS: bilingual; language (speech) competence; interlanguage interference; strategy of acquisition of a foreign language; experimental research of linguistic consciousness.

ABSTRACT. The problem of interlanguage interference, characteristic of spontaneous speech of a bilingual person is studied. Possibilities of experimental research of the strategy of acquisition a foreign language are shown.

Билингвизм со всей очевидностью стал реальностью сегодняшнего дня: пожалуй, в современном мировом социокультурном пространстве нет ни одного региона, где бы существовала эндогlossная языковая ситуация. Активные миграционные процессы приводят к тому, что в одном образовательном микросоциуме (детсадовской группе, школьном классе) оказываются представители самых разных лингвокультур. Обучение в русскоязычной школе вызывает у учащихся-инофонов большие сложности в овладении вторым языком, соответственно и в усвоении программного материала по всем дисциплинам.

Психолингвисту, разрабатывающему рекомендации для комфортного «вхождения в другой язык», важно выявить существующие у билингвов проблемы переключения кодов в процессе спонтанного общения, особенности усвоения национально-культурной идиоматики. С этой целью нами в течение четырех лет проводилось исследование речевой деятельности армянско-русских билингвов. Первый язык в этой связке все участники эксперимента назвали родным, хотя степень владения всеми видами речевой деятельности (говорение, чтение, аудирование, письмо)

у некоторых выше на неродном (русском), а отдельными видами продуктивной речевой деятельности, например, письмом на армянском языке, респонденты не владеют.

На предварительном этапе нашего исследования использовался метод наблюдения, имеющий относительно объективный (отстраненный, регистрационный) характер. Он дает возможность получить максимально достоверный языковой материал, поскольку не зависит от воли исследователя, лишь степень корректности фиксации определяется уровнем его двуязычной компетенции. Таким материалом является спонтанная речь носителей двуязычного (русского и армянского) сознания в естественной коммуникативной ситуации, а «регистрировался» речевой продукт одним из авторов данной статьи. Д. Мурадян – естественный русско-армянский билингв, владеет обоими языками, что позволило использовать *метод включенного наблюдения*, предполагающий непосредственный контакт с участниками двуязычной коммуникации, которые не воспринимали исследователя как «чужого».

Данные, полученные в ходе четырехлетнего наблюдения, дают материал для ис-

следования взаимовлияния языков. Последнее включает «разнородные явления: заимствования, относящиеся к разным хронологическим рамкам; изменения, которыми один язык обязан влиянию другого; речевые ошибки, являющиеся результатом недостаточного усвоения неродного языка, и т. д.» [7, с. 53].

Наибольший интерес для нас представляет такое явление взаимовлияния языков, как интерференция, поскольку оно характеризует непосредственно речевую деятельность билингва.

Под интерференцией понимается неконтролируемое воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия [1, с. 32]. Примером могут служить случаи интерференции в речи одной из участниц нашего проекта: Газарян Тереза (3,9 года) родилась и живет в России, при этом два раза в год в продолжение месяца бывает в Армении. Мать – русская, отец – армянин. Тереза хорошо понимает армянскую речь, при этом сама говорит по-армянски очень редко, чаще использует отдельные армянские слова в русскоязычном дискурсе. Так, часто наблюдая за моделью высказываний отца на армянском языке, в которых после продолжительного объяснения того или иного факта задается вопрос «հիսիւշգիւր?» [аскацарь?] («поняла?»), Тереза, объясняя что-то старшему брату на русском языке, в завершение спрашивает: «հիսիւշգիւր?».

При исследовании межъязыковой интерференции особую значимость имеет диагностика владения идиоматикой обоих языков как особого средства трансляции культурно-национального самосознания народов. Для этого материалов наблюдения (даже включенного и продолжительного) недостаточно. Более продуктивным представляется, на наш взгляд, использование **экспериментальных процедур** изучения языкового сознания билингва. Представим последовательно проведенные нами экспериментальные диагностики и их результаты.

Социопсихолингвистический портрет испытуемых. Всего было опрошено семнадцать учащихся старших классов воскресной армянской школы г. Екатеринбург, мужского (9 человек) и женского (8 человек) пола. Все участники опроса родились в Армении, местами наиболее длительного проживания ими были названы: Россия (10), Армения (3), Россия и Армения (4). Все являются носителями индивидуального двуязычия (не общенационального), которое возникает в результате либо необходимости владения вторым языком в связи с профессией, либо вследствие про-

живания в иноязычной стране. При оценке степени владения армянским языком около половины опрошенных отметили, что владеют чтением и письмом на родном языке плохо или с затруднениями. Аудирование, говорение, чтение и письмо на русском (неродном) языке почти всеми оценено самым высоким из предложенных критериев «хорошо». На вопрос: «На каком языке общаетесь со своими близкими дома?» – были даны следующие ответы: только на своем родном, армянском языке говорят 3 человека (17,7%), только на русском не говорит никто (0%), а на русском и армянском языках в совокупности – 14 человек (82,3%). С друзьями же более половины опрошенных общаются на русском и армянском языках, 29% – на русском, и около 10% респондентов используют при разговоре с друзьями армянский, русский и езидский (диалект курдского языка, на котором говорят представители этноконфессиональной группы курдов, которых армяне называют «армянскими цыганами») языки.

Таким образом, можно говорить о существовании в сознании билингвов двух активно взаимодействующих систем языковых средств и речевых навыков автоматизированного владения не только речевыми клише, но и разговорным синтаксисом и правилами синтагматики.

На первом этапе использовался метод **направленного ассоциативного эксперимента** с ограничением в реакции. В соответствии с инструкцией, предлагалось привести выражения, с помощью которых можно охарактеризовать по-русски и по-армянски человека по его интеллектуальным, физиологическим, поведенческим характеристикам: *умный, как ... / глупый, как ..., толстый, как ... / худой, как ..., рассеянный, как ... / собранный, как ..., здоровый, как ... / больной, как ...*

Анализ полученных ответов показал, что все стратегии, которые используют респонденты для языкового выражения смысла, можно свести к нескольким типам (здесь мы исключаем случаи, когда ответа нет ни на одном из используемых билингвом языков):

1. Вместо выражения приводится однословный ответ: *Գերազանցիկ* (герязанцик) – образованный (об умном человеке), *Քիչ անխիղճ* (кач арохчуцун) – смелое здоровье, спортсмен, непьющий, некурящий (о здоровом), *Անորմալ* (анормал) – ненормальный (о глупом). При этом часто слово выбирается неточно: *իսիւշգիւր* (о глупом человеке). М. М. Михайлов отмечает, что ошибки в употреблении слов и выражений можно объяснить недостаточным уровнем усвоения неродного языка, при котором мысль предварительно выра-

жается на одном языке, а при озвучивании говорящий сохраняет особенности его системы в другом языке [См. об этом: 7]. Это демонстрирует, например, явный неучет многозначности стимульного слова в реакции *Դաւանքիւմ* (дасаворва́ц) – *сложенный* (о собранном человеке).

2. Предлагается дословный перевод с русского на армянский и наоборот: *Հալիկ* (ха́ви глух) – *куриная голова* (о глупом); *Չալ* (чах), – *толстый*; *Միլիւն շալ* (сирю́ме шат у́гель) – *любит много поесть* (об очень толстом). Использование данной стратегии передачи смысла слова/выражения неродного языка свидетельствует об отсутствии в сознании говорящего культурных коннотаций.

3. Приводятся соотносительные русские и армянские идиомы, основанные на подобных образных переносах: *Խելքից թոփալ* (хе́лькиц то́паль) – букв. «мозгами хромой» (ср. рус. *мозги набекрень*), *Մեղիւմ վիճակ ունի* (ме́рац ви́чак у́ни) – букв. «мертвого вид имеет» (ср. рус. *краше в гроб кладут* – о больном человеке, который плохо выглядит), *Փղի տոնիւնը ունի* (пехи́ арохчу́цун у́ни) – букв. «слона здоровье имеет» (ср. рус. *здоров как бык*), *Գլխիւր թելիւր լցիւմ* (гелу́хе те́пов ле́цва́ц) – букв. «голова перхотью залита» (ср. рус. *голова опилками набита*). Частотность использования данной стратегии подтверждает мысль о взаимовлиянии, проникновении элементов одной языковой системы в другую.

4. Используется безэквивалентная лексика и фразеология, лишь в самом общем виде выражающая смысл: *Դող* (дод) – слово, характеризующее тупого человека, точного перевода в русском языке не имеющее. Чаще всего используется как обидное обзывательство в разговорной речи по отношению к человеку, который долго не может чего-то понять. *Սուէրի ծախուկ* (асехи ца́ков ка́нцнес) – букв. «иглы дырку пройдешь», т. е. пройдешь через ушко иглы (ушко иглы считается очень узким отверстием, поэтому кто через него пройдет, тот очень худой, стройный). *Այսօր փլիւց կերիւմ* (а́йсорь пла́в ке́рац) – букв. «сегодня лапшу съевший» (о рассеянном человеке). Данное выражение часто используется в адрес человека, уронившего что-либо (человек в эту минуту напоминает об образе лапши, т. е. чего-то рыхлого, разваливающегося, буквально падающего с вилки). *Թւրիկ* (тмбэ́лик) – слово, характеризующее пухлого, упитанного человека, при этом имеющее положительную эмоциональную окрашенность. Точного перевода в русском языке не имеет.

Все описанные выше стратегии, кроме последней, демонстрируют межъязыковую интерференцию на лексико-семантическом уровне, и лишь обращение билингвов к безэквивалентной лексике и фразеологии может свидетельствовать об осознании ими номинативных лакун в одном из используемых языков и относительно свободном оперировании знаниями в области обоих языков в речевой деятельности.

По результатам данного эксперимента нами был проведен анализ корпуса реакций с точки зрения использования билингвами универсальных и национально-специфичных моделей метафорической номинации. Все стратегии, которые используют респонденты для метафорической номинации, можно свести к нескольким типам.

А. В русском и в армянском вариантах ответа использованы соотносительные метафорические модели:

- зооморфная метафора (о толстом человеке по-русски говорят «корова», «кабан»; по-армянски – «Խոզ» (хоз) – свинья; о здоровом человеке по-русски – «здоров как бык»; по-армянски – *Փղի տոնիւնը ունի* (пехи́ арохчу́цун у́ни), буквально: «слона здоровье имеет»);
- фитоморфная метафора (о глупом человеке по-русски – «дуб дубом», «овощ»; по-армянски – *Խիար* (хия́рь) – огурец, *Դրուկ* (дтум) – тыква);
- артефактная метафора (о худом человеке по-русски – «Швабра», «шпала»; по-армянски – *Վեղ* (вет) – палка).

Заметим, что в качестве основы для метафорических переносов преимущественно используются конкретные предметные эталоны, что не типично для старшего онтогенеза, а характерно в основном для младшего и среднего, связанного преимущественно с симпрактическим опытом освоения действительности (см. об этом: [3; 5]).

Б. Использованы разные модели метафорической номинации для одной и той же характеристики в армянском и русском языках: о глупом человеке по-русски – *лось* (зооморфная метафора), по-армянски – *Խիար* (хия́рь) – *огурец* (фитоморфная метафора); о глупом человеке по-русски – *баран* (зооморфная метафора), по-армянски – *Դաւանքիւմ* (да́мбуль), *слива* (фитоморфная метафора, в основе которой лежит известная армянам когниция «слива не требует особого ухода при выращивании»).

В. Использованы идиомы армянского языка, не имеющие соответствий в русском языке: о худом человеке – *Տանձի պոչ* (та́ндзи поч), буквально *груши хвост* (хво-

стик груши считается тонким, особенно на фоне крупного плода груши); о худом человеке – *Սիւնի ծախոյ լիւնց՛նի* (áсехи цáков кáнцнес), буквально *иглы дырку пройдешь*, т. е. *пройдешь через ушко иглы* (ушко иглы считается очень узким отверстием – кто через него пройдет, тот очень худой, стройный); о худом человеке – *Լըրն փէր* (лóбу пет), *фасолевая палка* (при выращивании фасоли используют тонкую высокую палку для поддержки фасолевых веток, стебельков).

Хотя в русском и армянском вариантах ответов обнаруживаются все модели метафорической номинации, что свидетельствует об универсальности метафорического способа означивания, отметим большую популярность для сознания армянина фитоморфной метафоры, в отличие от очевидного предпочтения в русском языковом сознании (это соответствует также словарным фиксациям) зооморфной.

На следующем этапе исследования нами использовалась **методика прямого толкования** (слова, выражения), поскольку она представляет собой по типу близкое к словарному описание содержания и объема значения предъявленной стимульной языковой единицы, что дает возможность выявить актуальные для билингва семантические компоненты. Мы предложили объяснить значения нескольких фразеологизмов и привести армянские параллели, соответствующие русским по значению, доминантному образу или набору случайных (личностных) ассоциаций.

Для эксперимента были отобраны следующие десять фразеологизмов: *выжить из ума, детей не крестить, излить душу, бабушка еще надвое сказала, заварить кашу, в розовом цвете, на авось, вытянуть ноги, лечь костями, хватила кондрашка*.

При отборе фразеологизмов для эксперимента нами учитывались разные виды национально-культурной коннотации:

- эксплицитированные специфической лексикой (на авось, хватила кондрашка, лечь костями);
- связанные с тематической группой вероисповедания, религии (детей не крестить);
- имплицитные, не имеющие лексических маркеров национально-культурных коннотаций, но отражающие специфику национального менталитета (выжить из ума, вытянуть ноги).

Анализ полученных ответов показал, что все толкования фразеологизмов, предложенные билингвами, можно свести к нескольким типам:

1. Толкование через синоним(ы) в широком понимании термина:

- *выжить из ума* – *сойти с ума* (8), *сбрендить* (1);

- *излить душу* – *открыть душу* (1), *выговориться* (9);
- *бабушка еще надвое сказала* – *вилами на воде написан* (1);
- *на авось* – *наугад* (9).

2. Толкование описательным способом через развернутую дефиницию, подобную словарному толкованию:

- *заварить кашу* – *войти в трудное положение, из которого очень проблематично выйти* (1), *попасть в неприятную ситуацию* (3);
- *на авось* – *полагаясь на судьбу, счастливый случай* (1).

3. Дискурсивная семантизация (см. об этом: [5]) – толкование смысла слова при вписывании его в ситуацию (ситуации) собственной жизни, опыта своих родных или знакомых: *излить душу* – *когда человек держит в себе что-то, например, секрет или что-то тревожное, о чем никто не знает, а потом рассказывает кому-то эту историю, тем самым изливает душу* (1).

Стратегия толкования фразем через синонимы является наиболее частотной, а дискурсивная семантизация, типичная для монолингвов, напротив, является уникальной стратегией, к которой в нашем эксперименте обратился лишь один респондент.

Интересны наблюдения над тем, на каком языке формируется мысль билингва, какой язык для него наиболее комфортен для передачи общего смысла. Показательно, что никто из участников эксперимента не предложил толкование фразеологизмов на армянском языке, несмотря на то что язык по условиям эксперимента мог быть любым.

Каждая из отмеченных стратегий семантизации фразеологизма позволяет выявить актуальность или неактуальность фразеологической единицы для билингва, в разной степени владеющего неродным русским языком. Анализ толкований дает возможность определить факторы, от которых зависит усвоение фразеологической семантики и условий функционирования фразем в речи.

Наиболее существенной является неувоенность семантических компонентов фразеологических единиц:

- при объяснении значения фразеологизма *хватила кондрашка* лишь один из 15 опрошенных верно истолковал суть выражения («*скоропостижно умер кто-либо*»). Остальные либо вовсе не дали ответ, либо соотнесли данный фразеологизм со значением испуга, страха, удивления, ужаса. Вероятно, это объясняется созвучием слова *кондрашка* со знакомым им словом, существующим как в русской, так и в армянской системах, – *мандраж* (например: *мандражи ровать* – *несов. неперех. разг.* Бояться, трусить, про-

являть нервозность). Это говорит о том, что в сознании билингвов слово кондрашка даже ассоциативно не соотносится с именем «Кондратий» (см. историю возникновения данного фразеологизма с точки зрения Д. Н. Ушакова), а также они незнакомы с данным эвфемистическим наименованием смерти (ср. пословицы *Хватит Мирошка* (Кондрашка, смерть), *далече уйдешь; Кондрашка хватил, царанул* (о кровавом ударе));

– при толковании фразеологизма **на авось** были даны следующие толкования: «*наугад*», «*наудачу*», «*полагаться на судьбу*», «*полагаться на счастливый случай*». Однако двое респондентов вообще не дали ответ, несмотря на то что по заданию необходимо было написать хотя бы свое предположение. Интересно, что испытуемые не отразили в ответах существующее расхожее мнение, согласно которому полагаться на авось – свойство русской ментальности, которое основано на особом восприятии судьбы, представлении о неконтролируемости событий;

– многозначный фразеологизм **лечь костьми** ни одним из респондентов не был истолкован в значении «погибнуть, умереть»; актуальным значением данного выражения стал вторичный (переносный) – «*сделать все возможное для достижения цели*», «*любой ценой достигнуть результатов*». Многие написали вариант «*лечь головой*» (избегают использования незнакомого им архаизма «костьми»);

– при объяснении значения фразеологизма **излить душу**, который в целом выступает как стереотип эмоционального откровения, были предложены следующие варианты: *рассказать все, как на духу, открыть сокровенное; поделиться; высказаться; выговориться; когда раскрывается то, что творится у тебя в душе, внутри* – и подобные. Данное понимание фразеологизма говорит о том, что билингвы усвоили представление о душе как о средоточии внутреннего мира человека, источнике его эмоций и чувств;

– фразеологизм **детей не крестить** только один из респондентов понимает правильно («*не иметь больше отношений*»). Остальные интерпретации можно разделить на три группы:

- «*о неверующих*» – происходит отсылка к религии в связи с наличием в составе фраземы названия религиозного обряда – крещения («*не крестить детей*» означает быть неверующим человеком»);
- «*не думать о детях*» – крещение является важным этапом, значимой чертой в отношении родителей к детям.

Именно поэтому «детей не крестить» означает «вовсе о них не думать»;

- «*может, они маленькие и не понимают значения крещения, не хотят креститься. Когда они вырастут, будут уже не детьми и смогут креститься, если захотят*» (предложенный фразеологизм воспринят как форма повелительного наклонения).

Недостаточное усвоение семантики фразеологической единицы сопровождается часто неучетом эмоциональной составляющей фраземы или ее сужением. Так, имплицитная эмоция неодобрения не выявляется при толковании фраземы **на авось**, а эмоция одобрения, с которой употребляется выражение **лечь костьми**, отмечена всеми.

Более того, при низком уровне усвоения значения фразеологизма билингв не распознает контекстуальные условия его функционирования: исходя из толкований фраземы **лечь костьми** можно говорить об отсутствии учета билингвами происхождения образа, которое связано с тем, что в старину после кровопролитной битвы погибших воинов не всегда могли захоронить, и их останки оставались лежать на поле боя.

Наибольший интерес для данного исследования представляют ответы, приведенные при выполнении второй части инструкции («Приведите выражения из армянского языка, подобные русским по значению, связанные тематически или ассоциативно»). Можно отметить те же стратегии вербализации общего смысла, что и в предыдущем (направленном ассоциативном) эксперименте:

– вместо выражения приводится однословный ответ: *գուճակ* («*гумаке́ль*») – интуитивно (на авось), *վարդագույն* («*вартагу́йн*») – розовоцветный (в розовом цвете), *հանգստանալ* («*ангэстанáль*») – отдыхать (вытянуть ноги), *սարսաթել* («*сарсатéль*») – ужасаться (хватила кондрашка), *վախենալ* («*вахенáль*») – пугаться (хватила кондрашка), *զգջել* («*гэжвéль*») – сходить с ума (выжить из ума), *անհավատ* («*анавáт*») – неверующий (детей не крестить), *կիսվել* («*ки́вель*») – делиться (излить душу), *խենտանալ* («*хентанáль*») – стать сумасшедшим (выжить из ума), *խելյարվել* («*хелягарвéль*») – сойти с ума (выжить из ума), *կրենանկ* («*крэ́тананк*») – посмотрим (бабушка еще надвое сказала), *ներքույն* («*нереху́юн*») – буквально «прощение», т. е. «прошу прощения» (излить душу), *վատացավ* («*ватаца́в*») – буквально «поплохел», т. е. человеку стало плохо (хватила кондрашка);

– дословный перевод с русского на армянский: տառապանակն դեր տխրաբերի տեսք («*тáтикэ дер миатéль áсерь*») – буквально «бабушка еще раз сказала» (бабушка еще надвое сказала), ուկրնդերով կիրվել («*вóскорнеров кэпáрькем*») – буквально «костями лягу» (лечь костями);

– соотносительные с русскими армянские идиомы, основанные на подобных образных переносах: հոգին հանել («*óкин áнель*») – буквально «душу снимать» (ср. «вытянуть ноги»), սիրտը բացել («*сирте бáцель*») – буквально «сердце открывать» (ср. «излить душу»), խելքը բացել («*хéльеке терéле*») – буквально «разум взлетел» (ср. «выжить из ума»), կամ էն, համ էս («*кам эс, кам эн*») – буквально «либо это, либо то» (ср. «бабушка еще надвое сказала»), տեսն ինչ հրաշալի է («*áмен инч эряшалиэ*») – буквально *все прекрасно* (ср. «в розовом цветке»), *սի տնով չենիլ տարբերակ* («*ми тэно́в ченк áпрум*») – буквально «одним домом не живем» (ср. «детей не крестить»);

– использование безэквивалентной лексики и фразеологии, лишь в самом общем виде выражающей смысл:

- շիլափլավ («*шилапла́в*») – слово, выражающее значение «заварить кашу», точного перевода в русском языке не имеет. В данном слове содержится корень слова *лапша, каша*, а также безэквивалентная эмоционально окрашенная приставка (*շիլ* («шила»), неодобр.). Также данное выражение используется как характеристика неаккуратности, небрежности при выполнении чего-либо;
- վերսիս («*верся́*») и կիմջայլոց («*имиджайло́ц*») – слова-синонимы, не имеющие эквивалента в русском языке, передающие лишь самый общий смысл фраземы «на авось». Данные армянские слова имеют оттенок значения «делать просто так, не имея цели, надобности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М., 2001.
2. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М., 2009.
3. Гридина Т. А. Онтолингвистика. Язык в зеркале детской речи : учеб. пособие. М., 2006.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М., 1999.
5. Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Екатеринбург, 2007.
6. Лурья А. Р. Язык и сознание. М., 1997.
7. Михайлов М. М. Двухязычие (Принципы и проблемы). Чебоксары, 1969.

Существенно, что многие из существующих частотных, широкоупотребительных армянских фразеологизмов не были названы билингвами. Например, эквивалентом фразеологизма *лечь костями* могла стать армянская фразема դռշեւ դեմ կրաւ («*дóшес дем ктам*»), что дословно переводится как *грудь вперед подам* и означает «встану на защиту, пожертвовав жизнью». Аналогично фразеологизму *хватила кондрашка* соответствует армянское տեղնու տե՛ն է տրաւ («*тэхну тэхе мэрав*»), что дословно переводится как *место на месте умер* и имеет значение «умереть неожиданно, скоропостижно». С фразеологизмом *протянуть ноги* могла также возникнуть ассоциация на основе буквального значения его компонентов (ср. ուերես վերսիս չափով ձկի – «*вóтерет вёрмаги ча́пов дзеки*», буквально «ноги свои одеяла размером протягивай», т. е. *вытягивай ноги соразмерно своему одеялу*; используется по отношению к человеку, который ведет себя неадекватно своему социальному положению, заносчиво, уничижительно по отношению к другим).

Поскольку о безэквивалентности в данном случае говорить не приходится, можно предположить, что участниками эксперимента либо недостаточно усвоена русская идиоматика, и это не позволяет им подобрать соответствующую фразеологическую параллель в армянском языке, либо идиоматика родного языка (во всяком случае, в рамках заданного стимульного корпуса) для них неактуальна.

Таким образом, экспериментальное исследование речевой деятельности билингвов, с одной стороны, обнаруживает активное взаимодействие русского и армянского языков и взаимопроникновение их элементов в сознании билингвов, с другой – дает возможность наметить векторы разработки практических рекомендаций для преподавания русского языка как неродного билингвам с разными уровнями языковой (речевой) компетенции.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Т. А. Гридина.